
Международный электронный научно-практический журнал
**«Вопросы филологии и межкультурной коммуникации: научные
исследования и практические решения»**

International Scientific and Practical Journal
"Studies in Philology and Cross-cultural Communication"

График выхода: 4 раза в год

Языки: русский, английский

Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-68838 от 28 февраля 2017 года

Учредитель/издатель: Автономная некоммерческая организация "Международный центр продвижения русского языка и культуры "ЦЕНТРУС"

Официальный сайт: www.vfmk.ru

Прием статей по эл.адресу: vfmk@centruscom.ru

Место издания: Российская Федерация, г. Волгоград

Цель издания – поддержка молодых ученых, популяризация и знакомство широкой общественности с новейшими научными исследованиями в области филологии и межкультурной коммуникации, создание единой площадки по обмену научным опытом между российскими учеными и их зарубежными коллегами, занимающимися проблемами межкультурной коммуникации и развития русского языка.

Рудик И.Н. Интерпретация молчания по типу культуры [Электронный ресурс] // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации: научные исследования и практические решения: электрон. научн.-практич. журн. 2017. N 1 (1). URL: <http://vfmk.ru/journal/01/0111.html> (дата обращения: 12.07.2017).

УДК 81:572**Рудик Ирина Николаевна**

канд. филол. наук, доцент,

Житомирский государственный университет им. И. Франко,

Житомир, Украина

E-mail: irinaru@fulbrightmail.org

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОЛЧАНИЯ ПО ТИПУ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье высказывается и аргументируется гипотеза о том, что определяющим фактором в оценке молчания как формы коммуникативного поведения является принадлежность коммуниканта не к отдельно взятой культуре, а к типу культуры. За основу принята классификация культур на коллективистские и индивидуалистические. Формирование у представителей этих типов культур различных коммуникативных стилей объясняется существованием в концептуальных системах их носителей прямо противоположных когнитивных метафор.

Ключевые слова: молчание, коммуникативный акт, индивидуалистические культуры, коллективистские культуры, модель сурового отца, модель заботливого отца.

Rudik Irina Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor,

Zhitomir I. Franko State University,

Zhitomir, Ukraine

E-mail: irinaru@fulbrightmail.org

CULTURALLY PATTERNED INTERPRETATION OF SILENCE

Abstract: The paper puts forward the hypothesis that the decisive role in interpreting silence as a form of communicative behavior is played not by the specific culture the interlocutor belongs to, but by the more general cultural pattern. The typology the research is based on differentiates between collectivist and individualist cultures. Marked distinctions in the communicative styles of representatives of these cultures are

accounted for by substantial differences in cognitive metaphors existing in their conceptual systems.

Keywords: silence, communicative act, individualist cultures, collectivist cultures, strict father family, nurturant parent family.

На протяжении последних десятилетий не ослабевает интерес исследователей к эффективным формам коммуникации. Анализируя принципы современной риторики, выдающийся российский лингвист, философ и культуролог Ю.В. Рождественский обобщает культурный и речевой опыт прошлого тысячелетия и делает вывод о том, что технические разработки в сфере массовой коммуникации привели к постоянному возрастанию «речевой нагрузки», то есть трат времени на речь в сравнении с тратами времени на иные (неречевые) виды деятельности [1]. Исследователь высказывает предположение о том, что по мере усложнения общественной жизни и производства, речевая нагрузка продолжит возрастать (что представляется вполне логичным, поскольку именно речевая коммуникация, согласно А.А. Леонтьеву, обеспечивает любую другую деятельность, ее планирование или координацию). В этом контексте особую важность приобретают рационализация и качественное совершенство речевой нагрузки. Кроме того, возрастает роль молчания как направленного и мотивированного коммуникативного действия, нередко более эффективного, чем действие речевое. Такой подход к молчанию вполне созвучен первой из пяти аксиом коммуникации, разработанных известным американским психологом, психотерапевтом и специалистом в области теории межличностных коммуникаций П. Вацлавиком. Эта аксиома постулирует невозможность отсутствия коммуникации (The impossibility of not communicating):

“...if it is accepted that all behavior in an interactional situation has message value, i.e., is communication, it follows that no matter how one may try, one cannot not communicate. Activity or inactivity, words or silence all have message value: they influence others and these others, in turn, cannot not respond to these communications and are thus themselves communicating. It should be clearly understood that the mere absence of talking or of taking notice of each other is no exception to what has just

been asserted. The man at a crowded lunch counter who looks straight ahead, or the airplane passenger who sits with his eyes closed, are both communicating that they do not want to speak to anybody or be spoken to, and their neighbors usually "get the message" and respond appropriately by leaving them alone. This, obviously, is just as much an interchange of communication as an animated discussion" [11, с. 48-50].

Таким образом, молчание в ситуациях, характеризующихся наличием двух и более участников, всегда является коммуникативным действием.

Очевидным и подробно описанным в научной литературе является тот факт, что восприятие молчания культурно обусловлено. Так, при взаимодействии американцев молчание, как правило, непродолжительно и характеризуется отрицательными коннотациями, поскольку может сигнализировать о:

- напряжении, враждебности, недоумении (по данным Дж. Кондона);
- неодобрении, несогласии, сбое в процессе коммуникации (по данным Д. Левин и М. Эдельман);
- отказе в ответ на просьбу или предложение (по данным Дж. Дейвидсон).

Молчание как коммуникативный акт, использующийся при общении носителей японской культуры, имеет совершенно иные коннотации: согласно данным проф. Таки Лебра, японцы ассоциируют молчание с правдивостью, тактичностью, стремлением быть признанным социумом или желанием избежать наказания со стороны социума [6, с. 343]. С.Д. Сэлигман, исследуя взаимодействие китайцев, указывает на то, что для них молчание означает глубокие раздумья, стремление оценить ситуацию или проявить вежливость по отношению к собеседнику [9].

Автор другого исследования, К. Чеунг, анализируя функции молчания в произведениях северо-американских писательниц азиатского происхождения Ямамото, Кингстон, Когава, отмечает, что китайская и японская идеограмма «молчание» синонимична идеограмме «спокойствие, беззаботность» и антонимична по значению понятиям «звук», «шум», «движение» и «суэта». А коммуникативное действие, противоположное молчанию, – вербализацию – в

японской культуре, по словам автора, считают средством сокрытия собственной трусости, недоброжелательности или слабости [3, с. 127].

С целью проверить указанные описательные данные на практике, Ч. Макхью провёл исследование, в рамках которого были сопоставлены реакции респондентов различных национальностей (американцев, китайцев, японцев, тайцев и вьетнамцев) на потенциально опасные для них темы (охарактеризованные как *Skeletons in the Family Closet*). Среди трёх предложенных видов реагирования – уклонения от обсуждения неприятной темы, предоставления ложной информации или молчания – последний (молчание) оказался самой приемлемой формой поведения для тайцев и вьетнамцев (39% всех реакций). У китайцев и японцев «индекс популярности» молчания в предложенных условиях заметно снижается (19.5% и 14.1%, соответственно) и достигает минимальных показателей среди респондентов-американцев (11.9% всех реакций на «опасные» темы) [8, с. 14].

Что касается европейских культур, среди них тоже наблюдаются диаметрально противоположные интерпретации молчания. Так, в описанной К.М. Кира ситуации финны, находящиеся в Англии, принимали участие в обсуждении темы наркотиков. Один из финских гостей, взяв слово, рассчитывал на то, что все присутствующие внимательно его выслушают. Среди последних, однако, были участники из Италии, которые то и делали, что регулярно его перебивали и хором высказывали собственное мнение. Главный участник инцидента комментирует произошедшее следующим образом: “...*the Italians interrupted me in what I considered to be a harsh way... . I felt offended. Only later did I understand that the situation was not meant to be taken personally. It was simply the way of talking typical to their culture*” [4].

Исходя из речевых характеристик финнов [7], можно сделать вывод о том, что финны – молчаливые слушатели, которые выражают своё внимание и заинтересованность с помощью постоянного зрительного контакта, а не вербально выраженной обратной связи. В финской культуре говорящего не принято критиковать или прерывать собственными комментариями. Возможно, именно эти особенности объясняют, почему носители культур с другим

коммуникативным стилем считают собеседника финского типа скучным, безразличным, замкнутым и даже ограниченным.

Авторы статьи объясняют молчаливость финнов воздействием исторических факторов, подчёркивая, что до 1960-х гг. население Финляндии было преимущественно сельским и проживало не поселениями, а отдельно стоящими домами, что и сформировало специфические для Финляндии формы социального взаимодействия [7, с. 200]. Мы, однако, полагаем, что «молчаливый финн» – результат процессов более высокого уровня; поэтому цель представленной статьи состоит в том, чтобы доказать, что определяющим фактором в оценке молчания как коммуникативного акта является принадлежность говорящего не к конкретной, отдельно взятой культуре, а к типу культуры.

Понимая культуру в широком смысле, придерживаемся определения британского антрополога Джона Бити: *Culture refers to the whole range of human activities which are learned and not instinctive, and which are transmitted from generation to generation through various learning processes* [2, с. 19]. В зависимости от степени интегрированности носителей культуры, различаем коллективистские и индивидуалистические культуры. Коллективистские культуры формируются в обществе, члены которого образуют сплочённые группы; группы защищают своих членов, требуя взамен абсолютной преданности. Коллективисты считают себя прежде всего частью целого: семьи, трудового коллектива, племени или нации. Носители коллективистской культуры склонны руководствоваться нормами и обязанностями, налагаемыми на них коллективом. Коллективистская культура традиционно формируется в обществах, члены которых занимаются сельским хозяйством [10, с. 37].

Что касается индивидуалистической культуры, она присуща обществу со слабыми связями между отдельными членами, ввиду чего последние вынуждены заботиться о себе самостоятельно. Носителям индивидуалистической культуры свойственно руководствоваться собственными потребностями, правами, преследуя при этом индивидуальные, а не групповые цели. Традиционными для

носителей индивидуалистических культур видами деятельности являются охота, рыболовство, собирание съедобных продуктов [10, с. 26].

Рассмотрим, культуры каких стран автор цитируемого выше исследования – профессор психологии университета Иллинойса Гарри Триандис – относит к коллективистским. Классические коллективистские культуры, согласно его исследованию, сформировались в таких странах, как Япония, Китай, Россия, Филиппины. К странам с выраженной индивидуалистической культурой учёный относит США, Великобританию, Германию, Францию. Как видим, культуры с положительной интерпретацией молчания, анализируемые в начале статьи (японская, китайская), а также русская, являются коллективистскими.

Что касается финской культуры, её, как и другие скандинавские культуры, Г. Триандис характеризует как умеренно индивидуалистическую с большим удельным весом коллективистских элементов. Наиболее существенным индивидуалистическим элементом скандинавских культур является независимость, в то время как большинство остальных характеристик придают этим культурам ощутимый коллективистский характер: доминирование групповых приоритетов, сдержанность, стыдливость, чрезмерная чувствительность к критике, сдержанность в похвале [10, с. 99]. Таким образом, присутствие финской культуры в группе культур с положительной оценкой молчания как формы коммуникативного поведения не противоречит высказанной нами гипотезе о наличии непосредственных корреляций между типом культуры (индивидуалистическим или коллективистским) и оценкой молчания (преимущественно положительной или отрицательной).

Обобщая результаты ряда исследований в области антропологии, социологии, политологии, философии и психологии, Г. Триандис указывает на то, что в коллективистских культурах группа является единицей выживания, поэтому её члены склонны ощущать значительную эмоциональную зависимость друг от друга. Коллективисты не только сообща используют материальные и нематериальные ресурсы, но и придают большое значение последствиям собственных действий для остальных членов группы, заботятся о самопрезентации и сохранении лица. В отличие от индивидуализма,

основополагающими ценностями которого являются независимость и уверенность в своих силах, соревнование и гедонизм, коллективизм зиждется на таких ценностях, как взаимозависимость, дружелюбие, целостность семьи (как это проявляется, например, в убеждении, что детям следует жить с родителями до тех пор, пока они не создадут собственную семью; что престарелые родители должны жить с детьми) [10, с. 31].

Для объяснения описанных различий между ценностями индивидуалистических и коллективистских культур, предлагаем привлечь идеи другого выдающегося американского учёного Джорджа Лакоффа. В своей известной книге “Moral politics: how liberals and conservatives think” Дж. Лакофф постулирует существование двух диаметрально противоположных систем моральных ценностей, которые основываются на двух различных пониманиях семьи. Эти понимания, согласно автору, привели к формированию двух моделей семьи: *a strict father family* и *a nurturant parent family* [5].

Анализ позволяет нам соотнести модель сурового отца с коллективистским типом культуры, поскольку базовые моральные ценности в обоих случаях можно выразить с помощью следующих метафор:

- моральная сила (сильными – как физически, так и морально – не рождаются; силу следует вырабатывать в себе путём самодисциплины и самопожертвования);
- моральный авторитет (хорошие родители (в общественной проекции – власть) устанавливают нормы поведения и наказывают детей (в общественной проекции – граждан как объект власти) за нарушение норм. Моральное поведение со стороны объектов власти – это подчинение власти);
- моральные границы (моральность – это путешествие по определённому пути, отклониться от которого значит ступить на стезю аморальности и порока. Люди, отклоняющиеся от проторенного и (потому?) истинного пути, своим примером угрожают безопасности общества в целом и поэтому, для его защиты, должны быть изолированы и даже изгнаны) [5, с. 71-101].

Аналогичным образом, соотносим модель заботливого отца с индивидуалистическим типом культуры, поскольку базовые моральные ценности обеих систем можно выразить с помощью следующих метафор:

- моральность как забота (у детей (в общественной проекции – членов социума, которые нуждаются в помощи) есть право на заботу, а у родителей (в общественной проекции – остальных членов социума) – ответственность за предоставление этой заботы);
- моральность как сопереживание (относись к другим так, как *им* бы хотелось, чтобы ты вёл себя с ними);
- моральность как забота о себе (нельзя как следует заботиться о других, не заботясь о себе; поэтому важно удовлетворять собственные потребности: поддерживать своё здоровье, зарабатывать на жизнь, поддерживать межличностные отношения и пр.) [5, с. 114-138].

Полагаем, что существование в концептуальных системах носителей двух указанных типов культур таких прямо противоположных метафор обусловило формирование у них разных коммуникативных стилей. В рамках модели заботливого отца во главу угла ставится двухсторонний диалог: родителям следует объяснять детям свои решения, а детям можно и следует задавать родителям вопросы и предлагать собственные идеи, чтобы научиться принимать собственные решения [5, с. 109]. Отсюда, очевидно, типичный для индивидуалистических культур взгляд на молчание как на признак слабости или равнодушия.

И наоборот, согласно модели сурового отца, обучение детей (прежде всего, покорности) осуществляется преимущественно путём наказания и вознаграждения (ср. с методом кнута и пряника); дети не подвергают сомнению решения отца, поскольку авторитет отца абсолютен и не подлежит сомнению. Это объясняет типичное для коллективистских культур восприятие молчания как признака силы (как результата самодисциплины), моральности (как следствия покорности и признания авторитета старших) и часто – как согласия (с ценностями группы).

В завершение, считаем необходимым подчеркнуть, что аналогично тому, как в каждой культуре, хоть и в разных пропорциях, присутствуют и коллективистские, и индивидуалистические элементы, точно так же молчание имеет в этих культурах различный коммуникативный потенциал. Однако, доминирование одной из оценок определяется типом культуры.

Список литературы:

1. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 176 с.
2. Beattie J. Other Cultures: Aims, Methods and Achievements in Social Anthropology. – Taylor & Francis e-Library, 2005. – 286 p.
3. Cheung K. Articulate Silences. – Ithaca & London: Cornell University Press, 1993. – 198 p.
4. Kirra K.M. Finns in interaction with non-finns: problematic phenomena perceived as critical incidents // Intercultural Communication. – 2000. – №3. – <http://www.immi.se/intercultural>
5. Lakoff G. Moral politics: how liberals and conservatives think. – Chicago: The University of Chicago Press, 2002. – 471 p.
6. Lebra T.S. The cultural significance of silence in Japanese communication // Multilingua. Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication. – 1987. – Volume 6, Issue 4. – P. 343-357.
7. Lehtonen J. and Sajavaara K. The silent Finn // Perspectives on Silence. – Norwood, New Jersey: Ablex Publishing Corporation, 1985. – P. 193-201.
8. McHugh Ch. Reaction Profiles by Americans, Chinese, Japanese, Thai, and Vietnamese on ‘Skeletons in the Family Closet’ Topics // Intercultural Communication. – 1999. – №1. – <http://www.immi.se/intercultural>
9. Seligman S.D. Chinese Business Etiquette. – Grand Central Publishing, 1999. – 304 p.
10. Triandis H.C. Individualism and Collectivism. – Boulder: Westview Press, Inc., 1995. – 259 p.

11. Watzlawick P., Bavelas J.B., Jackson D.D. Pragmatics of Human Communication. – NY: W. W. Norton and Company, Inc., 1967. – P. 48-71.

Дата публикации: 12.07.2017